

ЧЕЛОВЕКУ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ...

ДОРОГОЙ КОЛЯ!

В конце своего письма вы пишете: «Может быть, свои мысли я изложил не совсем точно». Это, пожалуй, правильно. Понять причину, которая заставила вас написать это письмо, нелегко. Видимо, причин этих несколько. Это и неудовлетворенность собой, и обостренное восприятие встретившихся вам недостатков, и, возможно, не совсем полная ваша собственная личная жизнь. Но одно ясно: жизнь вам кажется неинтересной. Думаю, вы согласитесь со мной, что людям, которые живут рядом с вами, ходят по тем же улицам, дышат одним с вами воздухом, та же самая жизнь кажется не только не скучной, но полной радости, смысла и счастья.

Не делайте поспешного вывода и не думайте, что людям, о которых я сейчас говорю, слишком мало надо от жизни, что их устраивают маленькие удовольствия, что они бескрылы в своих желаниях. Я тороплюсь сказать это потому, что подобные суждения слыхивал из уст молодых людей, которые любят думать, что только им одним свойственны порывы благородного негодования, дерзновенные мечты и наивысшая требовательность к жизни.

Многое в вашем письме я мог бы приписать свойствам вашего возраста.

О смерти, например, легко думать, когда абсолютно здоров. О безвозвратно прожитой жизни слаще всего горюется именно в девятнадцать лет, когда жизнь еще только начинается. Видимо, эта терзающая сердце грусть есть прощание с детством. В вашем возрасте очень часто происходит своеобразная переоценка жизни. До этой поры вы представляли себе жизнь больше по книгам и с чужих слов, а в шестнадцать-девятнадцать лет человек сам начинает наблюдать действительность, и его порой идеалистические представления сменяются более реальными, даже грубыми. Происходит своеобразный внутренний разлад, который переживается болезненно, трудно.

НАДО СКАЗАТЬ И ДРУГОЕ. Молодые люди вашего возраста, составляя свое собственное суждение о жизни, грешат нередко одним большим грехом — преувеличением недостатков жизни. Очень часто именно в этом возрасте, именно в силу особенностей возраста, происходит разочарование в людях. Даже небольшой недостаток в человеке, который был для тебя кумиром, в единый миг низвергает его с пьедестала.

Юноша думает, что в момент, когда он узнал о недостатке этого человека, он узнал о нем истинную правду, а на самом деле он узнал только часть и притом, может быть, крайне ничтожную часть правды, и именно в этот момент он, как никогда, далек от истинного верного суждения о существовании своего «подсудимого».

С годами это проходит. И уже думаешь: «Как я мог быть так несправедлив!» Помню, в своей юности я переживал подобные «открытия» крайне остро, а потом, чтобы как-то соединить действительность с рухнувшими грезами, придумал для себя довольно наивное примирительное правило: если в человеке больше пятидесяти процентов хорошего, значит, он хороший, если меньше, значит, он плохой. Конечно, это смешно, даже, может быть, глупо, но это меня сделало терпимым.

Представляю, как вы воскликнете: «Ага, вы смирились с недостатками! Жизнь вас обломала! Вы вынуждены жить с плохими людьми, хотя и знаете, что они плохи».

Нет, дорогой Коля, я стал людей уважать и любить еще больше. Истинной человеческой взрослой любовью, а не претенциозной юношеской. С возрастом человек узнает, что люди, которые его окружают, не идеальны, хотя людей множество хороших и достаточно прекрасных. Идеализация жизни, как и людей, — вещь крайне вредная. Она дезорганизует

человека, мешает ему двигаться вперед и вызывает в конечном итоге раздражение. Понимание нашей реальной жизни вызывает чувство восхищения, желание действовать в ней в полную силу и делать ее все совершеннее и совершеннее. От этого и собственное свое существование на земле ощущается как большая радость.

«Жизнь неинтересна!» Когда вы пишете так, я понимаю, что диктует это не злая ваша воля, не ваш плохой характер, а ваша беда.

Позиция противопоставления себя жизни возникает по разным причинам: и из-за чрезмерно высокого мнения о своей персоне, и по следе глаз, и от духовной скудости. В сущности, это есть одна из форм эгоизма. Человек ноющий, скулящий, сетующий на жизнь кажется мне самой скучной фигурой на свете. И мой совет вам, Коля: избегайте таких людей. Вообще старайтесь чаще быть с людьми содержательными, которые могут питать другого и умственно и нравственно. Я не имею в виду людей сухих, хотя и ученых. Нет, напротив, пусть они будут непременно люди веселые. Ученый, который сам незаметно для себя превратился в деталь машины или прибора, очень полезный человек для общества. Но увы! Он, став жертвой своего собственного одностороннего увлечения, превращается в фигуру ограниченную и, я бы сказал, утилитарно интересную. Надо уметь в людях открывать их лучшие свойства и, любя их, совершенствовать самого себя.

Кстати сказать, один человек, прочитав ваше письмо, воскликнул: «Влюбиться ему надо в какую-нибудь девушку, сразу жизнь покажется интересной!» В этой шутке большая доля истины. Все на свете становится скучным, если не озарено сильным человеческим чувством.

С ОГОРЧЕНИЕМ ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ, что в среде молодежи можно встретить совершенно превратное отношение к человеческим чувствам. Человек, увлеченный чем-то горячо и страстно, становится подчас чуть ли не посмешищем. Высмеивается иной раз и добросовестное отношение к работе и даже настоящая любовь. А ведь атаку ведут, как правило, люди духовно бедные и развращенные. Чаще всего им в глубине души завидно, что кто-то несет в себе нечто прекрасное, а у них этого прекрасного нет. Вот они и стараются друг их низвести до своего уровня.

Свои чувства нужно беречь! И нужно уметь это делать. Всякое покушение на них рассматривать надо как покушение на самое дорогое, что в вас есть, и давать отпор мелким душонкам или фрондирующим дурачкам.

Внутренний мир человека не рождается готовым. Он выстраивается нами самими и нашими учителями. Постройка его — дело куда более трудное, тонкое и мудреное, чем постройка иного сооружения. Внутренний наш мир выстраивается не только песней и улыбкой, но и размышлениями, отчаянием, сомнением, колебанием, а иногда и слезами.

Так зачем же позволять кому-то похода разрушить его! А в жизни это разрушение часто происходит совсем незаметно.

Попробую привести пример. Парень, допустим, влюблен в девушку. Он старается скрыть свое чувство от посторонних глаз, он бережет свое сокровище, боится его распылать, но скрыть любовь трудно. Чувство, чем оно сильнее, тем ярче выдает самое себя: «Узнают коней ретивых по их выжженным таврам, юношей влюбленных узнают по их глазам...» И вот уже подходит к нему какой-нибудь его приятель и, похабенько подмигнув глазом, говорит: «Ты что? С Машкой гуляешь, что ли, хочешь?» Форма обращения может быть и более деликатной, но непременно с оттенком ухарства и цинизма.

Вот тут-то и произошло покушение на ваше дорогое для тебя чувство. Давай отпор! Резко, сильно, категорично! Заставь уважать свое человеческое достоинство! Не бойся даже пойти на разрыв с «приятелем». А если ты малодушно капитулировал и на его улыбочку в ответ тоже виновато и подленько ухмылялся: «Да, вроде этого» — то все! Считай, что ты предал и себя и девушку и потерял большой человеческий урон.

Прекрасные чувства надо уметь защищать. Иначе они умрут в тебе, и мир покажется скучным.

Но, имея богатый внутренний мир, человек все же может заскучать, если он не нашел точки приложения своих сил. «Ага, опять вы начнете говорить о работе!» — скажете вы, Коля. Да, человеческая деятельность, в результате которой другим людям и тебе самому живется лучше, — главная сторона жизни человека. Поле этой деятельности безгранично и разнообразно. И надо стремиться, чтобы всякий труд человека был творческим, именно потому, что творить — это величайшая радость, хотя, как это ни парадоксально, акт творчества может быть трудным, даже мучительно трудным. А вы, мне кажется, еще не отыскали точку приложения своих сил.

ИНЕРТНОСТЬ И ВЯЛОСТЬ, которые мне порой приходится наблюдать в кругу некоторых молодых людей, происходят иной раз оттого, что часто взрослые сами парализуют инициативу молодежи своей мелочной опекой и усердием. Уж очень много соломы подбрасывают со всех сторон, боясь, как бы молодой человек или девушка не споткнулись и не упали. А молодость не любит, когда ее все время ведут за руку. В конце концов от этого развивается паралич воли. А потом мы, взрослые, сами начинаем покачивать головами, ахать и говорить: «Почему наша молодежь теперь такая вялая? Помню, в наши годы...»

Бесспорно, взрослые остаются руководителями молодежи, но они всегда должны помнить: воспитание молодежи — дело тонкое, требующее и беззаветной любви к молодежи, и величайшего такта, и терпения, и таланта. Кроме того, воспитание — дело обоюдное и должно строиться на взаимном уважении и доверии друг к другу. Отвратительно, когда молодой человек не уважает взрослого, но не менее гадко, когда взрослый не уважает человеческого достоинства юного гражданина.

Я НЕ ОТВЕЧАЮ ВАМ, Коля, на ту часть вашего письма, где вы пишете о соревновании, об обязательствах. На эти ваши сомнения хорошо отвечают товарищи, которые живут в гуще этих явлений. Посоветую только: посмотрите хорошенько вокруг себя, поездите по стране, хотя бы из окон вагона посмотрите на то, что воздвигнуто руками людей, которые создают коммунистические бригады, соревнуются, берут на себя обязательства!

Мне думается, что еще одно упущение порой допускается в процессе воспитания молодежи: ей не говорят, что жизнь не может состоять из одних радостей и удовольствий. Человек в жизни непременно встретится с драматическими и даже трагическими сторонами ее. Они неотъемлемы, они — ее часть. Ромен Роллан писал: «Героизм — это видеть мир таким, каков он есть, и любить его». Можно еще к этому добавить: «И делать его лучше и лучше!»

Дорогой Коля! Одно я утверждаю определенно: жизнь — самое прекрасное, что есть у человека.

В. РОЗОВ.